

Лёва Матюшкин
Иерусалим, Израиль

ИНАЯ ГЛИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ребёнком в пасмурный день нахожу в подоле скатывающегося участка — за сеткой-рабицей, за вороньим кустом карины — широкий язык глиняного пласта. Приношу бабушке ком — будем горшки лепить. Отвечает спокойно: глина нужна другая. Тогда же ищу иную (достаточно капли уксуса), да так и копаюсь в грязи под ливнем в расплывшейся тёмной мечте сделаться гончаром.

Сразу за скользкой ямой пространство спадает в лесок, тайну, забытый сон с успокоенным прудом. Поодаль от входа в лес электрическая колонка гудит — серый гараж воды с торчащей на спуск трубой. Специально обученный Н запускает утром насос, а вечером выключает, дважды в день скользя зауженной тропкой мимо шиповниковых кустов, посматривая на меня и кивая при встречном взгляде. В отличие от соседей, мы эту воду не пьём, ходим к другому колодцу — доверенному ключу, колонке «у инвалидов». На десяток минут подольше, чем такой же «у магазина».

Нет вокруг ни нашей глины, ни нашей воды. Да и лесок ничейный. Свои там раскачивающиеся мышки рогоза, называемого всеми ка-мыш. Так дети меняют бан-ку на ка-бана — и невольно при обмене соединяют в банку вепрей с горы Кармель с числом поросят по количеству скорых просьбенных повторений. Неудивительно, что те потом бродят дурные, не ведая, кто и зачем, и что рыть-то им надобно было совсем иной прах.

НЕЧАЯННЫЙ РАЗГОВОР

Собачке маленькой большая, наклонясь,
целует голову,
и говорит: «Не бойся,

мы вопреки хозяйским беспокойствам
не будем стягивать цепных сомнений вязь,
пусть будет связь совсем иного свойства...»

Но в говорении натянута шлея
— что ж, до свидания,
до нового
знакомства.

КАБИНЕТ

Глаголом жги сердца людей,
а существительными — печень,
и разделяй на части речи
жаркое, перепела, сельдь.

И гад морской вполне съедобен,
и лист лозы, и рыба-меч,
а ты, ну как же, невиновен —
не насыщает слуха речь:

пустынен, мрачен кабинет,
да лишь духовной жажды нет.

НОВЫЕ СТАНЦИИ АВГУСТА

Густым кунжутным ключом
последний сезам открыть,

хлеб отражённый
дважды в себе преломить

облаком халы,
пластинками похвалы,
впавшей в себя пиáлой,

как если бы и тхина
была мерказит*.

ЧЕРНОПЛОДКА

Русские (и не то чтобы) мальчики,
клейкие ивановские листочки,
слёзы, бегущие по шелковистым карьерам
чердачной наволочки,

* Тахана мерказит (ивр. תחנה מרכזית) — «центральная станция»; обычно так называют центральный автовокзал Тель-Авива.

девочки, играющие в матерей,
девочки, изображающие сыновей,
девочки-дочки.

Догонялки, пятнашки, салочки,
стрельба черноплодкой из облачка,
из полусухой трубочки
старожилящего ревения.

Контролёры, прячущиеся за поручни,
пассажиры, встречающие во вратах неизбежного:
«Господи Иисусе, сыне Божий, помилуй грешного мя».

— Что стало с тем осликом,
выросшим среди смокв?
Как тебе Малабар, Фома?

ВАРИАНТЫ ПОДСЧЁТА

Впервые за долгое время,
дважды за короткий отрезок
полуземного пути,
трижды на плоскости,
четырежды на коленке,
пятый отбит как есть от стеклянной груди.

В небе лазутчики
связывали кутил
монеткой везучей
фонтаны плескать в тени.

УМЫВАНИЕ, ЗАТЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Вечер длился три часа:
вечер вы-и-мы-и-лся,
вечер вѣ-мыл-ся,
побрился,
вечер в корне изменился:

корень сладок стал и бел,
корень к осени поспел,
в листьях мокрая водица,
разрешите обратиться:

необузданный бегу
и уже на берегу,
где же, вот же
волк,
а-у-у!

Э Т И Б Е З Ы М Я Н Н Ы Е В М Е С Т Е

✚

— Но не так ли устал я жить,
что второй раз уже не буду?

— Куда целовал Иуда,
на кукле нам покажи.

✚

Тем временем мёртвые
не спрашивают у живых

ни который час,
ни какая теперь погода,

и всякий изображённый
уже навсегда привык

ждать гудка парохода.

К О В Ч Е Г

Крапивной музыки межа свернула вниз к пруду,
и мальчик, воздухом сбежав, ковчег перевернул:

там рифмы-нитки по воде, намокнув, льнут ко дну,
попарно скручиваясь вниз в гудящую струну,

струится серебристый смех, подтопленный волной,
и шепчет будто не себе: «Вот так и ты не Ной»

(То, что взрослые называют луной, —
не более чем солнечный зайчик.

Хорошо, когда у новеллы
бывает рассказчик —

утешение чрезвычайное,
света белого

прохладный
напальчник).

К О В Ч Е Ж Е Ц

Вначале было слово, и слово было «агу».
Через четыре буквы [кажется] я «умру»:
считать ли за единственную букву повтóренное «у _ _ у»?

Через три буквы, две буквы, через одну — станцию — вы-выходите?
— выдавите хотя бы «угу»...

Двери метро вперяются в темноту,
совы не оперяются: ни гу-гу,
и ни бе, ни, так скажем, ме,
ни даже три торжественных ку-ка-ре-ку...
Сон в руку, в реку, египетскую ра-ку.

Петя-Петя, неужели ты навсегда отрекаешься?

Б И Т А Х О Н

Имя Вальтер Беньямин —
тоже так себе приговор.

Будто бы обещает:
у моей левой руки будет сын,
даже большой меня волонтёр.

Перекладинами
сталкиваются кресты
растворённых битых окón,

колотое лицо
к неуколотому
обращая.

Кинутую книжку-монетку
поднимут
и ототрут,

не сочтя
за ненужный труд.

Савланут-
савланут,
битахон,

огни караван-сарая.

Н Е М О Й В О П Р О С

В большой воде морская птица спит,
а с берега собака произносит:

«Ты помнишь мальчика по имени Иосиф
в семье Иакова?..»

Семь или восемь
выпростанных спиц
блестят на солнце,

день наводит осень
на снов пюпитр —

такими «трр-» звенит
зачем будильник? —

не мой вопрос.

С А М О Л Ё Т И К

он до смёрти что-то по́нял
он до смёрти что-то вь́нес
он до смёрти что-то о́бнял
он до смёрти что-то вь́рез
-ал
ал
мал
золотник
огонёк-ротик
летающий по небу дротик
она говорила котик
называла зайчик
обманщик
уродик

вот
как
вот
так
тик
так
аркти
ческий
дон кихотик
такие за
бывают
что чик —
и напротив:
котик
зайчик
біленький
самалёцік

П О С Л Е Д Н Е Е Д Е Ж А В Ю

Это моё последнее дежавю:

крепыши на платформе
связывают багажи,

жёлтый чиж напевает понятливому ежу,
приозёру, призёру в ежином ли джиу-джу...

Обшушкались в травах
колени в счастливый день,

и не ангел лишает права
отбросить тень,

не павлин
и не пава.

А Б О Н Е Н Т

У одной нищенки
жили и нет щенки.

Ещё ни одной у них
я не видал щеки.

Вместо ушастых щёк
дырочки лёгкой флейты

или мышат ещё
вывесят в клейкой ленте.

Вы уж поверьте мне —
ту-ту-ту —

щучьей дыры темней —
пу-пу-пу —

дырка
в абонементе.

К О Н Е Ч Н А Я

Ни для кого не жил,
ни для чего исчез,
не изнёжил, не вычерпал, не пролез —
в этот мир, бегущий наперерез
в оготелую чёрную пустоту.

Или смерть как смерть,
преизбыток чувств,
или дебет с кредитом не сошлись,
как учила ба, показала жизнь,
наказала музыка игрока,
и пока-пока — ну, пока-пока.

Ведь что скажешь, если тебя и нет.
Так ребром повтора шипит скелет,
воют «о» глазниц, ноет носа «д».

Обними всех птиц, усади в судьбе —
наш складной бассейн ото всех тревог,
или день вдень ниткою поперёк
в мои уши заячьи на бегу
да ничьи вещицы на берегу.

Ч Е Р Е Д А

Плачь — не плачь,
значь — не значь,

вскачь так вскачь,
а потом и навзничь —
пожелайте всем нам удач.

Череда,
травяная ягода,

череда
ещё —
передач:

кроссворд
скандинавской
ходьбы,

беда
японской
трудоборьбы,

(к цветным не привык),
а на прилавке
ещё — Тёщин
язык.

Приятно бы познакомиться,
вот Пал Палыч,
в миру монах,
в свободную половину жизни — палач.

Товарищ! (так ещё говорят?)
а-а даже не отвечай,
лучше как-нибудь графически обозначь.

Д В Е Ф О Т О Г Р А Ф И И

Вот они, две фотографии —
как было и как не стало,

ду-ду-дурная слава
покадровой эпитафии.

Закинулся,
заикнулся,

аукнулся,
перемигнулся.

Так некоторые слова
себя в разговор добавили.

П Е Н А Л

Бабушка волосы грустно перечесала,
но запуталась в мыслях, словно Авессалом.

Я же достал бабочку, сложенную в пенале,
и положил в солнечный лучик, спрятанный под столом.

И я думал о том, зачем боги смерть свою миновали,
почему о них не слышно теперь...

И о всяком таком.

НАПУТСТВЕННОЕ ПОЖЕЛАНИЕ ЛЁГКОГО ЧТЕНИЯ

Давно добавлено в закладки —
а если взять бы прочитать?

Да только маленькие лапки
и неудобная тетрадь
с пружинкой —

что ли
хвост вдевать?
— с ужимкой
вопрошает тать

и продолжает плоской палкой
земную выпуклость равнять.

Собака
просится догнать
взлетевшую с монетой галку,

над балкой воздуха — фиалка —
из школы взяли
поливать,

а бархатцы —
совсем другое.

Вот что хотел вам рассказать.

2020–2025, Танджавур